

Сов. культура. - 1991. - Июнь. - С. 11

НЕПАРАДНЫЕ ГАСТРОЛИ

ЭТО НЕ БЫЛИ парадные гастроли провинциального коллектива в столице — из тех, что готовятся тщательно и долго, и на которые идут, как на бой, последний и решительный. В них, напротив, была большая доля неожиданности и импровизации — ведь на этот раз для Воронежского театра юного зрителя Москва стала лишь промежуточной станцией на гастрольном маршруте. Конечным же пунктом его была Белоруссия — Гомель, Мозырь, Светлогорск. Чернобыльская зона — куда многие театры до сих пор не соглашаются ехать ни за какие деньги. А для Воронежского тюза эти гастроли в Белоруссии (организатор их — Театр Дружбы народов) — благотворительные: часть сборов от них должна пойти в фонд помощи жертвам аварии.

Для московских любителей театра неделя, проведенная воронежцами в столице, могла бы стать удачной возмож-

ностью неплохо познакомиться с одним из лучших сегодня детских театров России. Почему «могла бы»? Да потому что знакомство это можно считать почти не состоявшимся. И благодарить за это, боюсь, придется хозяев — столичных организаторов гастролей. Становится уже дурной традицией: приглашенный в Москву коллектив фактически бросается на произвол судьбы — ни нормальной информации, ни рекламы. Итог — полупустой зал. Увы, с этой точки зрения гастроли воронежцев тоже вышли «непарадными»...

А жалы! Честное слово, очень жалы! Спектакли Воронежского тюза, право же, стоят того, чтобы их смотреть. Потому что на фоне сегодняшней действительности этот театр счастливо выделяется своей юношеской энергией сво-

бодного поиска, резких поворотов, непредсказуемых решений. В этом он похож на Холдена Колфилда, героя знаменитой повести Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Постановка ее стала одним из первых шагов главного режиссера Михаила Бычкова, начавшего работать в Воронеже в конце 80-х. Спектакль этот, ставший тогда в городе событием, и сегодня продолжает удивлять искренностью и чистотой тона. Строгий, почти аскетичный в режиссерских приемах, он сосредоточивает действие вокруг Холдена — «неправильного» и раненого подростка, которому дается право самому, без посредников поведать нам о той сумасшедшей истории, которая случилась с ним прошлым Рождеством. И говорить здесь о хорошей игре молодого актера

Владимира Стрекова было бы не совсем точно — в спектакле воронежцев возникает одно из тех редких и счастливых совпадений актерского дарования и «сто процентного» попадания на роль, когда с первых же слов артист исчезает, и перед нами остается только его герой — хрупкий, угловатый паренек с колючим ежиком волос и взглядом исподлобья...

На гастроли в Москву Воронежский тюз привез пять спектаклей, из них два предназначались самым маленьким зрителям. Пусть это не покажется парадоксом, но, помоему, для детского театра, чья известность завоевана спектаклями для юношества, самым опасным и рискованным испытанием часто становятся именно утренники для малышей. Ведь не однажды

уже бывало, что даже в очень сильных тюзах детские сказки оставались для режиссеров и актеров тягостной «обязаловкой», неизбежной, но нелюбимой нагрузкой к «настоящему» творчеству — для взрослых. Тем приятнее признавать, что Воронежский тюз это испытание выдержал с честью: думаю, что ни московские младшеклассники, ни их родители, пришедшие на «Кошкин дом» Маршака или «Крокодила» Чуковского, не пожалели об этом. Веселые, красочные, полные музыки и песен (их, пожалуй, вернее даже будет назвать мюзиклами), сказки эти поставлены с выдумкой, вкусом и чувством стиля, сыграно легко и с удовольствием. В «Кошкином доме» (режиссер М. Бычков) на сцене гуляет шумная и удалая российская ярмарка с хо-

роводами и пестрыми нарядами, каруселями и зажигательной кадрилию, в «Крокодила» же (режиссер А. Шелыгин) разноликая и пестрая толпа петербургских улиц смешивается с экзотическими четвероногими пришельцами из сказочной Африки, а городские мелодии и романсы начала века — с энергичными современными ритмами.

Хармса довольно активно уже ставили в последние годы. Но и тут постановка Воронежского тюза «Хармсбург, или История дерущихся» стала весьма неожиданным впечатлением. И неожиданности начались уже с того, что спектакль по произведениям одного из самых странных и непростых российских писателей поставил человек, не говорящий по-русски! Кто знает, может быть, и поэтому в ра-

боте голландского режиссера Т. Кейзера оказалось неожиданно мало уже ставших хрестоматийными стихов и текстов Хармса. Мир его обернулся на сцене бесконечным трагическим цирком, абсурдным молчаливым балаганом, где люди бессильны выкрикнуть в словах свою боль, отчаяние, одиночество, — слова здесь лгут, кривляются, глумятся над ними, а подлинными выглядят лишь жест, движение, прикосновение.

Меня не удивляет обращение Михаила Бычкова к стихам В. Друка — поэта резкого, из тех, кого литературные критики любят причислять к авангардистам. И в спектакле «Лапшедром» — самом сильном и цельном гастрольном впечатлении — на сцене возникает зловещий и одновременно комичный в своем абсурде «Совоклэнд» — музей, вернее даже «кунсткамера» нашего бытия (прекрасная работа художника Б. Гальперина). Бытия недавнего и давнишне-

го, успевшего уже стать историей. Но — продолжающегося и в дне сегодняшнем, не желающем отпускать нас на волю. А за плотным стеклом этой кунсткамеры существуют ее живые экспонаты. Они страшны и смешны, изуродованные, оскопленные, пустые души-калеки. И все-таки — люди страдающие, чувствующие боль...

Наверное, так бывает всегда, когда в театре появляется настоящий лидер. Три года назад в Воронежский тюз пришел новый главный режиссер — необычно молодой для главного, с обаятельной мальчишеской улыбкой. И, как оказалось, для театра выпала счастливая карта: молодой человек сочетает в себе талант с профессионализмом, работоспособностью и умением повести за собой. Так или иначе, Михаил Бычков сумел превратить Тюз в интереснейшее место, в один из культурных центров города.

Е. ОСПИННИКОВА.